

Разгром «вольных стрелков»: дело о «меньшевистской вредительской организации в Госбанке СССР» (1930–1931 гг.)

Михаил Николаев

Одной из самых громких политических кампаний в СССР рубежа 1920-х–1930-х гг. стала борьба с «вредительством», охватившим, по версии её инициаторов, якобы все отрасли народного хозяйства. Дело о «контрреволюционной организации» в Государственном банке СССР было связано с процессом «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» (1931 г.). Его, как и ранее состоявшиеся процессы («Шахтинский» и «Промпартии»), организовало сталинское руководство, чтобы переложить ответственность за разразившийся в стране острейший социально-экономический и политический кризис на «буржуазных специалистов» и стоявших за ними зарубежных вдохновителей-«интервенционистов». По процессу «Союзного бюро» проходили 14 человек, из них двое – Б.М. Берлацкий и В.В. Шер – фигурировали как члены правления Госбанка СССР. Хотя на открытом судебном процессе 1–9 марта 1931 г. были осуждены только 14 обвиняемых, однако в общей сложности, по подсчётам исследователей, судебному преследованию по этому делу были подвергнуты 122 человека¹.

Необходимо отметить, что жертвы фальсифицированных дел «Союзного бюро», «Госбанка» и др. зачастую арестовывались ещё до того, как следствие определялось с версиями предъявляемых обвинений. Только в процессе «следственных действий» и получаемых ориентировок «сверху», прописывался окончательный обвинительный сценарий, на основе которого арестованных распределяли по «группам»². После утверждения общей схемы, дифференциация

© 2014 г. М.Г. Николаев

¹ Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов. В 2 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 6 (далее – Меньшевистский процесс). См. также: Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. СПб., 1994. С. 140 (книга посвящена Б.О. Богданову, известному члену партии меньшевиков); она же. Судебный процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» в 1931 году // Отечественная история. 2001. № 2. С. 44. Отмечу, что 26 человек, привлечённых по «госбанковскому делу», равно как и лица, осуждённые по делам региональных отделений Госбанка, в это число не вошли. Известно, например, что согласно донесению полномочного представительства ОГПУ по Нижневолжскому краю (февраль 1931 г.), в Саратове в декабре 1930 г. была раскрыта «контрреволюционная меньшевистская организация, охватившая своими... ячейками банковские и прочие основные краевые хозяйственные учреждения». В число арестованных попали 50 бухгалтеров и экономистов-хозяйственников. В обвинении фигурировала и «связь с Шером». Прошли аресты в Астраханском отделении Госбанка, Нижегородской конторе и др. (Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 35). В январе 1931 г. в Новосибирске начались следственные действия по делу «О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Государственном банке», к которому был привлечён 21 человек, включая пятерых госбанковцев (См.: Николаев А.А. Кадры дореволюционных кооперативных союзов в советской системе кооперативного управления Сибири в 1920-х – начале 1930-х гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 5–6).

² Характерно, что, например П.П. Маслову, арестованному 1 сентября 1930 г., приписывалась принадлежность к «крестьянской партии», а с 16 апреля 1931 г. – к меньшевикам (Меньшевистский процесс. Кн. 2. 1999. С. 417).

ции первых партий арестованных и формирования «ядра» будущих групповых дел шли дополнительные аресты. При этом часто процедура следствия в отношении вновь арестованных (при уже имеющихся «признательных» показаниях) предельно упрощалась.

Репрессии, связанные с «Меньшевистским процессом» и делом «Трудовой крестьянской партии», затронули прежде всего советские наркоматы и ведомства экономического блока. В их число входил и Госбанк СССР, деятельность которого с определённого момента стала вызывать недовольство И.В. Сталина. Одной из причин этого, безусловно, мог стать политический скандал, связанный с решением главы Госбанка А.Л. Шейнмана остаться за границей (апрель 1929 г.). Но если факт разрыва высокопоставленного советского чиновника со сталинским политическим режимом от широкой общественности скрыли³, то начавшийся в СССР экономический кризис утаить было невозможно.

19 июля 1930 г. Г.Л. Пятаков⁴, с 20 апреля 1929 г. сменивший на посту председателя правления Госбанка Шейнмана, направил на имя Сталина письмо, в котором дал развёрнутую оценку состояния денежного обращения в стране и наметил программу мероприятий по выходу из кризисной ситуации⁵ (при этом автор хотя и писал о правильности «генеральной линии», фактически предложил меры, направленные к её изменению и совпавшие со взглядами лидеров «правого уклона»)⁶. Характерно, что из всех перечисленных Пятаковым проблем внимание вождя привлёк прежде всего кризис разменной монеты. Ликвидировать его Сталин предложил привычными репрессивными мерами, включая расстрелы. В написанном не ранее 6 августа 1930 г. письме В.М. Молотову он констатировал: «Результаты борьбы с голодом разменной монеты почти что ничтожны... Дело не только в кассирах. Дело в Пятакове, в Брюханове⁷ и их окружении... Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями НКФ руководил Юровский⁸ (а не Брюханов), а “политикой” Госбанка – вредительские эле-

³ Фрагмент выступления А.И. Рыкова 20 апреля 1929 г. перед участниками Объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) с информацией о решении А.Л. Шейнмана остаться за границей был изъят из стенограммы по решению высшего партийного руководства. 24 апреля по предложению И.В. Сталина Политбюро создало специальную комиссию по делу Шейнмана (Подробнее см.: *Генис В.Л.* Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). М., 2009).

⁴ Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937), в октябре 1928 г. заместитель председателя, с апреля 1929 г. председатель правления Госбанка СССР; с 1930 г. член президиума, затем заместитель председателя ВСНХ СССР, в 1932–1936 гг. заместитель наркома тяжёлой промышленности; в сентябре 1936 г. арестован по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра» и приговорён к высшей мере наказания; 1 февраля 1937 г. расстрелян, реабилитирован посмертно.

⁵ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 117–129.

⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 180.

⁷ Брюханов Николай Павлович (1878–1938), в 1926–1930 гг. нарком финансов и член СТО СССР; после «чистки» советских учреждений от сторонников «правого уклона» занимал менее ответственные посты в ряде советских и хозяйственных ведомств; последняя должность на момент ареста (февраль 1938 г.) – заместитель председателя Центральной комиссии по определению урожайности при СНК СССР; обвинён в участии в контрреволюционной террористической организации; 1 сентября 1938 г. приговорён к расстрелу и в этот же день расстрелян; реабилитирован в апреле 1956 г.

⁸ Юровский Леонид Наумович (1884–1938), с апреля 1930 г. член совета Госбанка; 26 июля 1930 г. арестован и 26 января 1932 г. Коллегией ОГПУ осуждён по делу «Трудовой крестьянской партии», приговорён к 8 годам заключения; в декабре 1934 г. освобождён в связи с болезнью с запрещением проживания в 15 крупных городах; в конце 1936 г. вернулся в Москву; 27 декабря 1937 г. вновь арестован, обвинён во вредительстве и принадлежности к контрреволюционной

менты из аппарата Госбанка (а не Пятаков), вдохновляемые “правительством” Кондратьева⁹–Громана¹⁰. Дело, стало быть, в том, чтобы: а) основательно прочистить аппарат НКФ и Госбанка, *несмотря на вопли сомнительных коммунистов типа Брюханова – Пятакова*, б) *обязательно расстрелять десятка два–три вредителей из этих аппаратов* (здесь и далее выделено мной. – М.Н.)»¹¹. Эти установки вождя в качестве руководства к действию и приняло ОГПУ.

Негативные последствия кредитной реформы¹² стали ещё одним поводом для дальнейшей атаки на руководство Госбанка СССР. Проведение им этой реформы Политбюро ЦК ВКП(б) 30 августа 1930 г. признало неудовлетворительным. Судьба Пятакова была предрешена – ещё до вынесения соответствующего решения Политбюро в письме Молотову от 24 августа Сталин писал о необходимости его замены¹³. 2 сентября последовало продолжение: «Очень хорошо, что взяли, наконец, в работу “вольных стрелков” из Госбанка и прогнившего насквозь Наркомфина... Придётся, по-моему, обновить верхушку Госбанка и Наркомфина за счёт ОГПУ и РКП после того, как эти последние органы проведут там проверочно-мордобойную работу»¹⁴.

Таким образом, период 6 августа – 2 сентября 1930 г. стал в создании «госбанковского дела» начальным этапом, открывшимся сталинскими указаниями и закончившимся первыми арестами «вредителей»¹⁵. Для того чтобы понять, каким образом отбирались действующие лица будущего криминального сце-

террористической группе; приговорён к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян; реабилитирован 1 июня 1963 г.

⁹ Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938), учёный-экономист, в октябре 1920 г. – июне 1928 г. организатор и заведующий созданного на базе лаборатории Института по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурного института) Наркомфина и Наркомзема РСФСР; в июне 1930 г. был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии» и осуждён на 8 лет тюремного заключения; после «пересмотра» последнего дела (сентябрь 1938 г.) приговорён к высшей мере наказания; 17 сентября 1938 г. расстрелян; реабилитирован посмертно.

¹⁰ Громан Владимир Густавович (1874–1940), экономист, статистик, в 1920-х гг. член президиума Госплана и член коллегии ЦСУ СССР; в 1929 г. отстранён от работы, осуждён по процессу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» на 10 лет лишения свободы; находился в Верхнеуральском, затем в Суздальском политизоляторах; умер в заключении 11 марта 1940 г.; реабилитирован посмертно.

¹¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 193–194. В сводке, направленной в ЦК об операциях ОГПУ по изъятию разменной монеты по состоянию на 12 сентября 1930 г., отмечалось, что всего по СССР было произведено 429 932 обыска, 9 187 арестов, и в итоге удалось отобрать разменной монеты на сумму 2 035 974 руб. (Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003. С. 800–803). Следственный аппарат в работе с арестованными «вредителями» оперативно реагировал на запросы партийно-государственного руководства. Примечательно, что в протоколе допроса П.В. Микеладзе (1 сентября 1930 г.), проходившего по делу о вредительстве в НКФ СССР, строки, в которых содержится упоминание о причинах затруднений «в области разменной монеты летом 1930», подчеркнуты вертикальными чертами на полях и снабжены начальственной резолюцией: «Разработать» (Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), д. Р-27952, т. 3, л. 251).

¹² С этой реформой до сегодняшнего дня продолжают связывать причины репрессий и кадровых перестановок. См., например: *Гиндин С.И.* Первый круг судьбы Иосифа Фроловича Гиндина // *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 34. Подробнее о реформе см.: *История Банка России 1860–2010.* В 2 т. Т. II. М., 2010. С. 179–198.

¹³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 202–203.

¹⁴ Там же. С. 211–212.

¹⁵ А.И. Лежнёв – 16 августа, С.К. Бельгард – 22 августа (ср. с датами арестов фигурантов процесса «Союзного бюро»); В.В. Шер – в первой половине сентября, а Б.М. Берлацкий – только 2 декабря (Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 72; Кн. 2. С. 185).

нария и какие материалы служили следователям инструментом для давления на арестованных, необходимо затронуть ещё один важный сюжет, связанный с кампанией по «чистке» советского государственного аппарата 1929–1932 гг. В Госбанке комиссия по «чистке» работала в январе–апреле 1930 г. под руководством кандидата в члены Президиума ЦКК ВКП(б) В.А. Радус-Зеньковича. Из общего числа проверенных 2 554 сотрудников было «вычищено» 8.3%, а 92 человека получили дисциплинарные взыскания¹⁶. Многие из «вычищенных» позже привлекли к «госбанковскому делу», а материалы, «добытые» в ходе «чистки», следствие использовало в своих интересах.

* * *

О деле «вредительской» организации в Госбанке СССР есть только два кратких упоминания: в биографическом очерке, предвещающем публикацию научного наследия И.Ф. Гиндина¹⁷, и в воспоминаниях дочери Н.А. Сканави¹⁸ М.Н. Сканави-Строевой¹⁹. В то же время литература, связанная с процессом «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», довольно обширна²⁰. Советская историографическая традиция некритично воспроизводила официальную трактовку событий, несмотря на то что опубликованные к тому времени документы позволяли поставить под сомнение материалы обвинения и обоснованность судебного приговора. Даже после хрущёвских разоблачений сталинских преступлений, пусть и в смягчённом виде, продолжало сохраняться утверждение о «вредительском» характере деятельности многих «буржуазных специалистов»²¹. О фальсификации судебных процессов рубежа 1920–1930-х гг. в начале 1970-х гг.

¹⁶ Чистка советского аппарата. К XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 22–23.

¹⁷ Гиндин Иосиф Фролович (1900–1980), до октября 1928 г. работал в Промбанке, затем – в Госбанке СССР (консультант Планово-экономического управления). Подробнее см.: *Гиндин С.И.* Указ. соч. С. 12–38.

¹⁸ Сканави Николай Александрович (1882–1964), в Госбанке РСФСР с 1922 г., в Отделе промышленных ссуд (позже отделе кредита); последняя должность – консультант кредитной группы «А» (промышленность) Кредитно-планового управления; уволен в ходе «чистки» советского государственного аппарата; с мая 1930 г. работал на Люберецком заводе сельскохозяйственного машиностроения; арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя признал; приговорён к 10 годам ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ (Алма-Ата); 15 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и высылки семьи был отменён; отбывал наказание в Карлаге и Бамлаге; с 1936 г. работал вольнонаёмным в г. Свободном, позже переехал в г. Семёнов (Горьковская обл.), начальник плановой группы Семёновского чугунолитейного завода; 5 февраля 1938 г. арестован по подозрению в шпионаже и вредительстве; за недоказанностью обвинения освобождён из заключения 2 февраля 1939 г.; работал плановиком в Тамбове, позже в Гурьеве, с 1945 г. в Краснодаре и вновь в Тамбове, после реабилитации 3 октября 1957 г. вернулся в Москву.

¹⁹ *Строева М.Н.* Мой отец. Публикация и примечания А.Ф. Строева // *Театр.* 2006. № 4. С. 143–158; см также: *она же.* Чехов и другие. М., 2009.

²⁰ Официальная пропагандистская литература, разоблачающая «меньшевизм», появилась сразу после судебного процесса: *Зиновьев Г.Е.* Война, революция и меньшевизм. М.; Л., 1931; *Лепешинский П.* Большевики. М., 1931; *Радек К.* Мировой меньшевизм и интервенция против СССР. М.; Л., 1931; *Минц И.И.* Большевики в интервенции. М.; Л., 1931; *Меньшевики-интервенты.* М.; Л., 1931; *Меньшевистская контрреволюция и церковь.* М., 1931; *Чарный М.* Суд исторический и неизбежный. М., 1931; и др. Этой печатной продукции противостояла зарубежная меньшевистская историографическая традиция (*Богданова Н.Б.* Судебный процесс «Союзного бюро...». С. 51; см. также: *Аронсон Г.* Судьба В.Г. Громана, И.И. Рубина и Н.Н. Суханова // *Социалистический вестник.* 1956. № 7–8; *Абрамович Р.* Меньшевистский процесс 1931 г. // Там же. 1961. № 2–3.

²¹ *Федюкин С.А.* Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 210.

писали Р.А. Медведев и А.И. Солженицын, а также экономист русского происхождения Н. Ясный²². Уже тогда исследователи располагали весомыми доказательствами фальсификации «меньшевистского процесса»²³. Важнейшим из них было свидетельство М.П. Якубовича²⁴ – одного из 14 осуждённых по делу «Союзного бюро», который описал процедуру обработки подсудимых и подготовки их к участию в судебном «спектакле»²⁵. В конце 1980-х – начале 1990-х гг., на новом витке переосмысления советского прошлого, появились первые в СССР «разоблачительные» публикации²⁶. Важнейшим источником стала изданная в середине 1990-х гг. переписка Сталина с Молотовым и В.Р. Менжинским, позже – письма Сталина М. Горькому²⁷. В сборнике «Меньшевики в Советской России» приводятся свидетельства осуждённого по делу «Союзного бюро» видного деятеля меньшевистской партии Ф.А. Череванина²⁸.

В последующем в научный оборот были введены типологически родственные документы – письма в различные инстанции осуждённых по делам, связанным с «меньшевистским процессом». Отбывая наказание, но освободившись из-под контроля следственных органов, они пытались объяснить происхождение своих ранее сделанных признательных показаний²⁹. Удивительным обра-

²² Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме. М., 1990. С. 243–253; Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Т. 1. М., 1990. С. 272–273; Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 138–141.

²³ См.: *Ciliga A. Di sans derrier le Rideau de fer. Au Pays du mensonge deconcertant.* Paris, 1950; Ясный Н. Указ. соч. С. 144–145.

²⁴ Якубович Михаил Петрович (1891–1980), в 1920-х гг. занимал различные руководящие должности в советском государственном аппарате, последняя должность перед арестом – начальник управления промтоваров Наркомторга СССР; в марте 1931 г. осуждён на 10 лет по фальсифицированному делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)»; с 1931 по 1939 г. содержался в Верхнеуральском политизоляторе, с 1939 г. – в Орловской тюрьме, затем – в Унжлаге; после освобождения – вольнонаёмный; позже вновь арестован и приговорён ОСО НКВД к 10 годам ИТЛ; в 1950 г. переведён в Песчлаг (Караганда); освобождён в 1953 г. и направлен в Тихоновский инвалидный дом (Караганда), где до 1955 г. находился на положении ссыльного; с 1966 г. персональный пенсионер.

²⁵ Письмо М.П. Якубовича Генеральному прокурору СССР, датированное 5 мая 1967 г., с конца 1960-х гг. распространялось в самиздате и было известно Медведеву и Солженицыну. Среди других свидетельств – воспоминания Б.И. Желтенковой (сестры одного из участников судебного процесса И.И. Рубина) и советского разведчика-невозвращенца А. Орлова (см.: Медведев Р.А. Указ. соч. С. 250–253; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 85).

²⁶ Елфимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией (1928–1931) // Политическое образование. 1989. № 16; Старков Б.А. Переход к «политике разгрома» («Шахтинское дело») // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990; Кислицын С.А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д, 1993; Как придумали партию (процесс Промпартии) // Родина. 1990. № 5. С. 58–62; Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский. М., 1992; Худяков Г. Трагедия Рамзина // Огонек. 1989. № 12. С. 28–29; Виктор Б.А. Без грифа «секретно»: «Показания» А.В. Ливеровского // Вопросы истории. 1988. № 7; Куманёв В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; и др.

²⁷ См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову; «Жму вашу руку, дорогой товарищ»: Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина // Новый мир. 1997. № 9.

²⁸ Меньшевики в Советской России: Сборник документов. Казань, 1998. С. 118–119, 122, 125, 127–129. Важно, что ещё в 1936 г. «Социалистический вестник» опубликовал (в пересказе) заявления Н.Н. Суханова в различные органы власти, в которых тот описывал обстоятельства фабрикации процесса (Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 8).

²⁹ Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 304–307. Письмо Л.Н. Юровского в коллегия ОGPU СССР из Суздальского политизолятора ОGPU СССР 4 июля 1932 года // Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи. М., 2008. С. 575–584; Письмо

зом сохранился и текст дневника, который вёл в Суздальском политизоляторе М.А. Броунштейн-Валерианов³⁰, описавший попытку привлечь его к процессу «Союзного бюро»³¹.

Среди публикаций последних десятилетий, безусловно, особенного внимания заслуживает документальный двухтомник с материалами «Меньшевистского процесса», включивший в себя подборку протоколов допросов арестованных (прежде всего Б.М. Берлацкого³² и В.В. Шера³³). Опубликованные документы следствия (при всей спорности источниковедческой ценности этого массива фальсификата³⁴) содержат материалы, в которых фигурирует «госбанковская вредительская ячейка». Несколько лет спустя, с учётом новых подходов была подготовлена статья, специально посвящённая процессу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)»³⁵.

Работа с документами процесса «Союзного бюро» продолжается в рамках проекта издания сборника документов «Меньшевики и Политбюро (1919–1938)» (в серии «Архивы Кремля»)»³⁶. Исследователям темы необходимо учитывать и публикации архивных материалов, отражающих деятельность органов ОГПУ³⁷.

Н.Д. Кондратьева председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому 17 ноября 1932 г. // *Кондратьев Н.Д. Суздальские письма*. М., 2004. С. 99–134.

³⁰ Броунштейн-Валерианов Михаил Адамович (1886–1937), член партии меньшевиков с 1903 г.; входил в состав ЦК РСДРП(м); в 1922 г. за активную партийную деятельность был выслан на Урал, позднее за границу; в 1922–1929 гг. проживал за рубежом; в 1929 г. нелегально с паспортом на имя Я.Н. Левина прибыл в СССР; в июне 1929 г. был арестован и в октябре осуждён на пять лет лишения свободы; в августе 1931 г. приговор был пересмотрен, срок заключения увеличен до 10 лет; содержался в Суздальском политизоляторе; в сентябре 1934 г. направлен в ссылку в пос. Колпашево Нарымского края; вновь арестован в 1937 г., расстрелян; реабилитирован в 1993 г.

³¹ См.: *Уйманов В.Н.* Процесс «Союзного бюро меньшевиков» и судьба меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. Февраль. № 355.

³² Берлацкий Борис Маркович (1889–1937), по назначению правительства ДВР с марта 1922 г. по октябрь 1924 г. председатель правления Дальневосточного банка; с октября 1924 по декабрь 1930 г. член правления Госбанка СССР; арестован 2 декабря 1930 г., 9 марта 1931 г. по фальсифицированному органами ОГПУ делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» приговорён к восьми годам лишения свободы; находился в заключении в Верхнеуральском политизоляторе, Балашовской тюрьме Ленинградской обл., где и умер 3 декабря 1937 г.; реабилитирован 13 марта 1991 г.

³³ Шер Василий Владимирович (1883–1940), член правления Госбанка СССР до декабря 1929 г.; в 1930 г. заместитель заведующего архивом института К. Маркса и Ф. Энгельса; в мае 1930 г. уволен по первой категории в ходе «чистки» советского госаппарата, которую проходил как бывший сотрудник Госбанка; апелляция в Центральную комиссию по «чистке» была отклонена; арестован в начале сентября 1930 г.; 9 марта 1931 г. по фальсифицированному органами ОГПУ делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» приговорён Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к 10 годам лишения свободы; отбывал заключение в Верхнеуральском политизоляторе; в 1940 г. заключение заменено ссылкой в Чкаловскую обл., позже в г. Хотин; умер в заключении; по приговорам 1937 и 1940 гг. реабилитирован 4 декабря 1955 г.

³⁴ О проблемах, связанных с публикацией этого корпуса источников см.: *Урилов И.Х.* Меньшевики в советской России. К истории изучения // *Вопросы истории*. 2009. № 8. С. 123.

³⁵ *Богданова Н.Б.* Судебный процесс «Союзного бюро...»; она же. Мой отец – меньшевик.

³⁶ *Морозова А.Ю.* Протоколы допросов предварительного следствия по делу «Союзного бюро РСДРП» 1931 года: источниковедческие и методологические проблемы // *Запад–Россия–Восток в исторической науке XXI века: Материалы международной конференции в честь 100-летия СГУ (Саратов, 14–16 мая 2009 г.)*: В 2 ч. / Под общ. ред. Ю.В. Варфоломеева и Л.Н. Черновой. Ч. 1. Саратов, 2010.

³⁷ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД...; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 8. 1930 г. Ч. 1. М., 2008.

Дело о «контрреволюционной меньшевистской вредительской организации в Государственном банке СССР» хранится в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России и состоит из пяти томов³⁸. Материалы этого дела представляют большой интерес для исследователей, изучающих историю Государственного банка СССР. Они позволяют проследить судьбы людей, немало сделавших для налаживания его работы и проявивших себя в других сферах деятельности. В материалах следствия содержатся любопытные детали, разъясняющие различные аспекты банковской работы, внутренние механизмы принятия тех или иных решений, неизвестные нюансы личных отношений. Для историков крайне ценны представленные здесь мнения ответственных сотрудников Госбанка по различным проблемам, их обобщения, расстановка акцентов в описании служебных дел и обстановки того периода. Протоколы показаний, полученных в том числе и от лиц, занимавших руководящие и ответственные посты, зачастую содержат любопытную для современного исследователя фактическую основу.

Всего по делу были привлечены 26 человек, из них – два члена правления Госбанка: известный учёный-экономист З.С. Канценеленбаум³⁹ и участник революционного движения, член ВЦИК второго и третьего созывов А.А. Блюм⁴⁰; два директора правления – В.С. Коробков⁴¹

³⁸ ЦА ФСБ России, д. Р-27952.

³⁹ Канценеленбаум Захарий Соломонович (Залман Шлиомович) (1885–1960), с октября 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, активный участник проведения денежной реформы 1922–1924 гг.; арестован 17 сентября 1930 г.; виновным себя не признал; осуждён на пять лет ИТЛ; для отбытия наказания был направлен в Вишлаг ОГПУ; после пересмотра приговора в декабре 1931 г. срок сокращён на один год; 2 сентября 1932 г. заключение в ИТЛ заменено высылкой на оставшийся срок в Западную Сибирь, куда он и был перенаправлен после снятия с этапа, следующего в Дальлаг; в 1933 г. переведён на работу в Москву (заместитель начальника финансового отдела Московского управления Дальстроя); в 1939–1946 гг. профессор Института цветных металлов и золота, Всесоюзного заочного финансового института; с 1945 г. сотрудник Научно-исследовательского финансового института при НКФ СССР и профессор Московского финансового института; в период кампании борьбы с «космополитизмом» (1948) уволен; с 1955 г. профессор Московского государственного экономического института; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁴⁰ Блюм Артур Адамович (1877–1938), с июля 1924 г. член правления Госбанка СССР, арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя не признал, осуждён на пять лет ИТЛ; 15 июня 1931 г. лишение свободы заменено высылкой на Урал; вторично арестован 15 февраля 1938 г. и осуждён 9 августа 1938 г. (по другим данным, 20 сентября) Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён к высшей мере наказания; от признаний вины, данных на следствии, в судебном заседании отказался; реабилитирован 22 июня 1963 г. (Подробнее см.: Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь. Т. 5. Вып. 1. М., 1931. Стб. 357–359).

⁴¹ Коробков Виталий Славович (1887–1952), с 1922 по 1925 г. директор Банка внешней торговли СССР на правах члена правления, одновременно – представитель Государственного банка в США; последняя должность – директор правления Госбанка СССР; принимал активное участие в установлении деловых связей с зарубежными банками, участвовал в работе «Американской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б)»; в 1926–1927 гг. входил в Центральный совет Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев; арестован в ночь с 17 на 18 сентября 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к расстрелу с заменой наказания на 10 лет ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; 13 июня 1935 г. освобождён из Бамлага по зачёту рабочих дней и за сокращением срока отбытия наказания; работал в финансовых органах системы ГУЛАГа: заместителем начальника финансового отдела УЖДС ГУЛАГ НКВД на Дальнем Востоке (г. Свободный), начальником отделения финотдела ГУЛЖДС НКВД СССР (Москва), заместителем начальника финотдела Ухтижмлага (пос. Ухта, Коми АССР), начальником финотдела Севжелдорлага НКВД СССР (пос. Железнодорожный, Коми АССР); с 1 июня 1944 г.

и С.К. Бельгард⁴², много сделавшие для развития международных связей банка; лица, занимавшие должности главного бухгалтера Госбанка, – В.А. Лепёшкин (его подпись стояла на первых советских червонцах)⁴³ и Л.И. Инжир⁴⁴. Среди других фигурантов – В.А. Виноградов⁴⁵, бывший депутат Государственной думы, член ЦК конституционно-демократической партии, товарищ министра путей сообщения во Временном правительстве, член Уфимской директории; И.Ф. Гиндин, ставший впоследствии видным советским историком, внёсшим заметный вклад в написание истории Государственного банка дореволюционной России; И.А. Лев⁴⁶, совмещавший работу в банке с увлечением зоопсихологией, ближайший помощник знаменитого дрессировщика и циркового деятеля,

начальник финотдела Центральных ремонтных мастерских ГУЛЖДС НКВД СССР; награждён медалью «За трудовую доблесть»; в неоднократных просьбах о снятии судимости отказано; реабилитирован 3 октября 1957 г. (Подробнее см.: *Николаев М.Г.* Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // *Деньги и кредит.* 2013. № 7, 8).

⁴² Бельгард Сергей Константинович (1891–1931), с осени 1922 г. до июня 1929 г. помощник заведующего иностранным отделом Госбанка, с февраля 1926 г. по март 1929 г. исполнял обязанности представителя Госбанка в Лондоне; на момент ареста – директор правления Госбанка; арестован в ночь с 22 на 23 августа 1930 г.; виновным себя признал частично; приговорён к расстрелу; расстрелян 29 апреля 1931 г.; реабилитирован 10 октября 1961 г.

⁴³ Лепёшкин Василий Арсеньевич (1878–1958), в 1921–1929 гг. занимал должности помощника главного бухгалтера и главного бухгалтера Госбанка; с декабря 1929 г. перешёл на службу в НКЗ СССР; «вычищен» комиссией по «чистке» госаппарата; последнее место работы – НКЗ СССР, главный бухгалтер; арестован 2 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; 15 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи и конфискации имущества был отменён; реабилитирован 10 апреля 1958 г.

⁴⁴ Инжир Лев Ильич (1892–1952), с 1922 г. по апрель 1929 г. сотрудник Промбанка, последняя должность – главный бухгалтер; по выдвижению ЦК Союза советских служащих и Центрального бюро работников учёта был направлен в Госбанк СССР на должность главного бухгалтера, арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; осуждён на 10 лет ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Соловецкий лагерь ОГПУ; 28 июня 1931 г. судебное решение о высылке семьи отменено; главный бухгалтер Беломорканалстроя(?), главный бухгалтер Центральной бухгалтерии Финансово-планового отдела ГУЛАГа (с 27 ноября 1936 г. по совместительству главный бухгалтер Мосволгоканалстроя). Согласно воспоминаниям И. Бергера, выдвинулся на высшие финансовые должности в гулаговской системе, входя в группу специалистов, сменивших выдвинутых смещённого Г.Г. Ягоды. После назначения главы НКВД Н.И. Ежова по совместительству наркомом водного транспорта принял его предложение встать во главе бухгалтерии этого наркомата и вскоре был арестован; 16 апреля 1939 г. военным трибуналом Московского военного округа приговорён к 15 годам ИТЛ (определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 марта 1956 г. дело о нём прекращено за отсутствием состава преступления); в 1948 г. отбывал наказание в Норильлаге, Александровском центре; в начале 1950-х гг. переведён в лагерный пункт № 033 Озерлага МВД (Тайшет, Иркутская обл.); арестован в лагере 4 февраля 1952 г. и 26 марта приговорён по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР к пяти годам ИТЛ (реабилитирован 24 января 1958 г.); умер в заключении; реабилитирован по «госбанковскому делу» 22 июня 1963 г.

⁴⁵ Виноградов Владимир Александрович (1874–1934), с ноября 1924 г. по ноябрь 1926 г. – в Инспекции правления Госбанка, заведующий кредитным отделом, консультант; с апреля 1929 г. консультант в различных учреждениях Москвы; с ноября 1930 г. – на временной работе в экономическом отделе Гипроверфи; в 1930 г. Краснопресненским народным судом приговорён к общественному порицанию за небрежное отношение к служебным обязанностям; арестован 2 декабря 1930 г.; приговорён к пяти годам ИТЛ; 20 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи и конфискации имущества отменён; реабилитирован 22 июня 1963 г.

⁴⁶ Лев Исаак Аронович (1884–?), в Госбанке с ноября 1921 г. по 1929 г., на момент ареста экономист по налоговому вопросам Металлоцентра ВСНХ, экономист по налоговым вопросам; арестован 2 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Сиблаг ОГПУ; 14 марта 1932 г. освобождён условно-досрочно; реабилитирован 22 июня 1963 г.

заслуженного артиста Республики В.Л. Дурова; А.Я. Горнштейн⁴⁷, активный участник создания первых социал-демократических партийных ячеек в Одессе, товарищ министра в коалиционном правительстве Забайкалья. Два человека, проходивших по «госбанковскому делу», имели отношение к Цekomбанку, в их числе П.П. Кутлер⁴⁸ – племянник Н.Н. Кутлера, бывшего члена министерского кабинета С.Ю. Витте, затем видного кадета, позже одного из руководителей возрождённого в 1921 г. Госбанка. Некоторые из обвиняемых (10 человек) к моменту своего ареста в Госбанке уже не служили, другие успели проработать там весьма недолго⁴⁹. В числе приобщённых к делу показаний имеются копии протоколов допросов Громана, Юровского, Берлацкого и Шера⁵⁰.

Аресты привлечённых к делу лиц, многие из которых компактно проживали в «доме Госбанка» (Ленинградское шоссе, д. 20), проходили с 16 августа 1930 г. по 24 февраля 1931 г., а наиболее активно, как и по делу «Союзного бюро», в декабре 1930 г.⁵¹ Самая большая группа (11 человек) была арестована в ночь с 16 на 17 декабря. Так начался третий, последний, этап создания «госбанковского дела» (второй можно отсчитывать от первых «признательных» показаний Шера 30 ноября 1930 г.). Если летом–осенью о «госбанковской вредительской организации» речь ещё не шла (о чём свидетельствуют некоторые формулировки постановлений об избрании меры пресечения)⁵², то арестованным в ночь с 16 на 17 декабря уже на первом допросе предъявляли обвинения в членстве в «контрреволюционной меньшевистской организации»⁵³.

Действия следователей летом–осенью 1930 г. отражают запросы высшего руководства страны, связанные с лицами, фигурирующими в письмах Сталина. Так, на проходившем 18 августа допросе А.И. Лежнёва просили дать показания относительно знакомства с Садыриным⁵⁴, Громаном и Кондратьевым⁵⁵. Другая традиционная тема следовательского интереса – контакты с подозрительными иностранцами. Так, от арестованного в ночь с 22 на 23 августа Бельгарда на

⁴⁷ Горнштейн Абрам Яковлевич (1881–?), с декабря 1924 г. до апреля 1929 г. работал в Госбанке СССР; с 1 августа 1930 г. до момента ареста заведующий финансово-плановым отделом Московской конторы Акционерного сахарного общества; арестован 2 декабря 1930 г. Виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; 10 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и высылки семьи отменён, вторично осуждён 3 октября 1941 г. ОСО при НКВД к пяти годам ИТЛ; реабилитирован 22 июня 1963 г.

⁴⁸ Кутлер Павел Павлович (1898–1950), с октября 1928 г. старший экономист, позже старший инспектор КПО Цekomбанка; арестован 30 ноября 1930 г.; виновным себя признал частично; осуждён на пять лет лишения свободы; направлен в Соловецкий лагерь ОГПУ; согласно воспоминаниям Л.В. Успенского, в заключении работал экономистом на строительстве Беломорканала и канала Москва–Волга; умер во время инспекционной поездки на одну из среднеазиатских ГЭС в 1950 г.; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁴⁹ Например, С.Л. Фридман – только с июля 1929 г. (ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 299).

⁵⁰ Отмечу, что некоторые из протоколов допросов, весьма значимые для нашего сюжета (например, допрос Шера от 11 декабря 1930 г.), в сборнике «Меньшевистский процесс» отсутствуют.

⁵¹ Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 6.

⁵² ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 71, 235, 288 и др.

⁵³ См., например, постановление о мере пресечения и привлечении в качестве обвиняемого Фридмана (Там же, л. 305).

⁵⁴ Садырин Павел Александрович (1877–1938), в 1920-х гг. член правления Госбанка СССР; в 1930–1932 гг. проходил по делу «Трудовой крестьянской партии»; был повторно арестован 2 января 1938 г.; расстрелян 16 сентября 1938 г.

⁵⁵ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 1, л. 6–7.

первых же допросах потребовали рассказать о двух иностранных гражданах, с которыми он поддерживал деловые контакты.

Самые ранние следственные материалы по «госбанковской вредительской ячейке» встречаются в опубликованных документах процесса «Союзного бюро». Ещё 27 ноября 1930 г. на очной ставке с арестованным К.Г. Петуниным⁵⁶ её «руководитель» Шер отказался подтвердить показания последнего об инструктировании его (по линии зарубежных меньшевистских связей) перед поездкой в Берлин осенью 1927 г., однако 30 ноября дал «признательные» показания, в том числе и по тому эпизоду, который ранее категорически отрицал⁵⁷. К моменту этого «признания» и независимо от него некоторые сотрудники банка уже находились под арестом. Более развёрнутые показания о «госбанковской ячейке» Шер дал 7 декабря 1930 г.⁵⁸, «руководитель организации» из 26 будущих фигурантов дела назвал только 15, пятерых из которых так к нему и не привлекли⁵⁹. Свидетельства Шера о «вредительстве» при проведении кредитной реформы появляются в следственных материалах позднее (11 декабря 1930 г. и 2 февраля 1931 г.)⁶⁰. Согласно показаниям Шера от 19 февраля 1931 г., «вредительские установки именно в этой области были избраны в качестве основного метода дезорганизаторской работы»⁶¹. К середине февраля 1931 г. описания всего комплекса «контрреволюционной деятельности» стали уже более подробны, но к этому времени к написанию «обвинительного сценария» подключились и другие «соавторы» – Лежнёв, Берлацкий, А.Н. Сахаров⁶². Понятно, что акценты в обвинении расставлялись фальсификаторами с учётом меняющейся политической конъюнктуры (ориентировок сверху и кампаний в советской печати). На более поздней стадии следствия расширилась «география» вредительства: в показаниях Шера от 26 января, 3, 4, 19 февраля 1931 г. фигурируют региональные «вредительские» центры и называются их руководители⁶³, а во время допросов Берлацкого (1 и 19 января 1931 г.) и Шера (4 и 20 февраля)

⁵⁶ Петунин Кирилл Гаврилович (1884–1937), с осени 1922 г. по сентябрь 1930 г. член правления Центросоюза, заведующий финансовым отделом; последняя должность перед арестом – заместитель коммерческого директора Уралльмашстроя; арестован 17 ноября 1930 г.; по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» в марте 1931 г. приговорён к десяти годам лишения свободы; содержался в Верхнеуральском политизоляторе, затем в Челябинской тюрьме особого назначения; повторно арестован в тюрьме 10 апреля 1937 г.; по обвинению в причастности к контрреволюционной организации 22 сентября 1937 г. приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян; реабилитирован 26 июля 1990 г.

⁵⁷ Меньшевистский процесс. Кн. 2. С. 187, 511–512.

⁵⁸ Там же. Кн. 2. С. 192.

⁵⁹ Там же. С. 192–193.

⁶⁰ Протокол допроса Шера от 11 декабря 1930 г. носит скорее информационный, нежели «признательный» характер (ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 2, л. 63–68; Меньшевистский процесс. Кн. 2. С. 237).

⁶¹ Меньшевистский процесс. Кн. 2. С. 266.

⁶² Сахаров Александр Николаевич (1886–1957), с 1923 г. – в Инспекции Госбанка СССР, с 1926 г. – помощник заведующего Инспекцией; в сентябре 1930 г. уволен после «чистки» советского государственного аппарата; на момент ареста не работал; арестован 16 декабря 1930 г.; признал себя виновным; приговорён к десяти годам заключения в ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Сиблаг ОГПУ; 15 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и высылки семьи отменён; постановлением Коллегии ОГПУ 5 ноября 1932 г. освобождён из концлагеря досрочно, лишён права проживания в крупных городах; работал вольнонаёмным в Дмитлаге; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁶³ Там же. С. 214, 245, 250, 260.

появляется тема оплаты труда «вредителей» и распределения денежных средств, в том числе и между региональными организациями⁶⁴.

Наряду с Шером одной из ключевых фигур в деле фальсификации стал Лежнёв, которому удалось продержаться под нажимом следователей почти четыре месяца. Не случайно фамилии его и Юровского были вынесены в «заглавные» в предварительном, «рабочем» наименовании «дела финансовых работников». Характерно и то, что в показаниях Берлацкого от 4 января 1931 г. наряду с рубрикой «Состав ячейки Госбанка», появилась и другая – «Роль Лежнёва в организа[ии] (ячейке) при Госбанке»⁶⁵. Лежнёву в связи с его «руководящим» статусом приписали вовлечение в организацию Ф.Н. Цуканова⁶⁶ и И.А. Антокольского⁶⁷. В протоколах от 12 и 13 декабря 1930 г. Лежнёв назвал 16 членов «госбанковской вредительской ячейки», среди которых были и новые фамилии, отсутствовавшие у Шера. Всего же численность групп в центре и на местах, согласно показаниям Лежнёва, достигала 80 человек⁶⁸. Следует отметить, что, согласно изученным документам, называемые арестованными численность и персональный состав членов «вредительской организации» всегда разнятся⁶⁹.

«Метод вредительства», приписываемый Лежнёву, по показаниям Виноградова, состоял якобы в «неправильном освещении хозяйственных явлений в жизни страны»⁷⁰. Можно предположить, что автор конъюнктурных обзоров достаточно скептически относился к мероприятиям «великого перелома». Так, согласно показаниям Коробкова, в мае–июне 1930 г. на его вопрос об экономической конъюнктуре Лежнёв охарактеризовал положение на селе с посевами, скотом, трудовыми отношениями как «скверное» («не хотят работать. Брат пошёл на брата»), то же было сказано им и о городе⁷¹. Эти настроения, отра-

⁶⁴ Там же. Кн. 1. С. 77, 103; Кн. 2. С. 247, 271.

⁶⁵ Там же. Кн. 1. С. 83–84.

⁶⁶ Цуканов Фёдор Николаевич (1885–1954), с 1924 г. сотрудник Госбанка СССР; арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Вишлаг ОГПУ; 15 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и высылки семьи был отменён; в январе 1933 г. работал в заключении экономистом производственного отдела Управления Темниковского ИТЛ (пос. Явас Мордовской АССР); реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁶⁷ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 1, л. 96, 150. Антокольский Абрам Исаакович (1886–1951), с сентября 1923 г. сотрудник Госбанка СССР, помощник заведующего подотдела Хлебного отдела, заместитель заведующего подотделом отделов Хлебного, Элеваторного и Финансового-счётного; в последние годы – в Финансово-экономическом бюро; Комиссией по «чистке» Госбанка уволен 15 апреля 1930 г.; на момент ареста 17 сентября 1930 г. старший экономист Управления доходов Мосфинотдела; виновным себя признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Севлаг ОГПУ (Сольвычегодск); реабилитирован посмертно 26 ноября 1959 г.

⁶⁸ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 1, л. 23–30.

⁶⁹ В показаниях Г.В. Рочко от 7 января 1931 г. руководителями организации предстают не Шер и Берлацкий, а Каценеленбаум (Там же, л. 325). Другие арестованные называли и нескольких «членов организации», не вошедших в число обвиняемых по «госбанковскому делу»: Г.Х. и И.Х. Майдель, П.Я. Ростовцев (умер в 1928 г.), Г.А. Шварц, Б.И. Осколков, Л.Г. Нерсесов, К.И. Страхов, Ю.Ю. Чаговец, Кацман, Маслов, Курёхин (Там же, л. 25, 99, 150, 194, 231–231 об., 325). В негативном контексте, способном дать основание для «разработки» или ареста, упоминаются арестованными (в большинстве своём – не сотрудниками Госбанка) и другие госбанковские служащие – Каган, Зильберборт, Выносов, Кутякин, Цукерман, Либерман (Там же, т. 1, л. 13 об.; т. 3, л. 330 об.–332 об.).

⁷⁰ Там же, т. 1, л. 296–297.

⁷¹ Там же, т. 3, л. 132–133.

жившие реальную картину происходившего в стране, и заключали в себе единственную «вину» арестованного.

На последнем этапе «госбанковского дела», когда обвинительная версия уже была выстроена, в списке членов «контрреволюционной организации», названных Сахаровым, 22 декабря 1930 г. фигурировали уже 24 человека, а 29 декабря арестованный «вспомнил» ещё четверых. Его показания как помощника заведующего инспекцией Правления Госбанка СССР следователи использовали для фабрикации дела в значительной мере. В обязанности инспекции входили рассмотрение кредитных планов филиалов Госбанка и выработка директив по кредитованию отдельных отраслей народного хозяйства. Это открывало хорошую перспективу для сценарных фантазий ОГПУ, в том числе и в отношении связи с периферийными «госбанковскими вредительскими ячейками». Протоколы допросов Сахарова свидетельствуют, что следователи уже систематизировали обвинительные материалы и выстроили относительно стройную версию «вредительской деятельности». Характерно, что один из протоколов – от 27 февраля 1931 г. – был оформлен в машинописном варианте на 12 листах с выделением тематических подзаголовков. При этом в тексте встречаются ссылки на документы, приобщённые к делу, которые не могли попасть к арестованному иначе, чем из рук следователей⁷².

Некоторые важные детали в картине следствия восстанавливаются благодаря более поздним документам дела, связанным с процессом реабилитации осуждённых. Дополняя всё известное из ранее опубликованных свидетельств по «параллельным» делам, они дают представления о содержании предъявленных обвинений и «логике» обвинителей. В составленном через много лет, 19 января 1954 г., заявлении на имя Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко Сканави писал: «Мне было инкриминировано, что я, работая ст[аршим] инспектором Кредитно-планового отдела Правления Госбанка, сокращал заявки трестов чёрной металлургии на банковский кредит в составлявшихся мною проектах заключений. Должен... категорически и со всею ответственностью заявить, что размеры банковских ссуд, согласно этим заключениям, полностью обеспечивали потребность трестов в *краткосрочном* кредите, а сокращению подвергались лишь *завышенные* требования на банковский кредит, вызванные в большинстве случаев перерасходами трестов по сметам их капитального строительства. Такое отношение к кредитным заявкам диктовалось Уставом Госбанка. Эти основы кредитной работы Госбанка в настоящее время являются общеобязательными для всех хозяйственников. Более того, теперь использование оборотных средств на капитальные вложения преследуется по закону. Но в то далёкое время потребовались особые правительственные постановления, для того чтобы этим основам была придана сила закона... До их издания сокращения кредитных заявок, производимые на основе одного только Устава Госбанка, подвергались резкому оспариванию и протестам не только со стороны отдельных представителей промышленности, но зачастую и целых ведомств.

Столь неблагоприятно сложившаяся для меня ситуация на следствии, а именно оговоры некоторых лиц и отсутствие твёрдой законодательной основы для правильного суждения о характере моей работы в Госбанке, привели следователя к заключению (с определённой точки зрения) о моей виновности в якобы злонамеренном сокращении кредитных заявок и к настойчивому стрем-

⁷² Там же, т. 1, л. 267.

лению всеми средствами привести и меня к этому сознанию, аргументируя, между прочим, тем, что эти сокращения, уменьшая сумму средств в распоряжении трестов, могло, в конечном счёте, отразиться на количестве выпускаемого металла и, следовательно, фактически задерживали темпы индустриализации страны. Доказать коренную неправильность этого “строго логического”, на первый взгляд, аргумента и тем самым доказать отсутствие своей вины я мог только ссылками на Устав Госбанка и на необходимость борьбы с бесхозяйственностью трестов, допускавших производство расходов на строительство за счёт средств Госбанка, но это во внимание не принималось и отменялось»⁷³.

Особняком стоят «дела» Бельгарда и Коробкова, которые в силу своих должностных обязанностей часто и подолгу находились в Англии и США. Им, как никому другому удобнее было приписать осуществление связей с зарубежными меньшевистскими центрами и передачу секретной информации зарубежным финансистам для «дискредитации кредитоспособности Госбанка СССР», что и нашло отражение в обвинительном заключении⁷⁴. В ходе допросов Коробкова и Бельгарда следователи привычно искали компромат по линии контактов арестованных с представителями эмиграции, заодно выясняя связи со «скомпрометированными» персонами, такими как Юровский, Громан, Д.А. Лоевский⁷⁵, В.В. Тарновский⁷⁶. Об этом спрашивали и вызванную на допрос жену Коробкова⁷⁷.

Характерно, что в агентурных материалах Контрразведывательного отдела ОГПУ за 1927 г., поднятых из архивов в 1946 г. в связи с попыткой Коробкова добиться снятия судимости, он фигурировал как один из знакомых «разрабатываемого» А.А. Бедряги, которому якобы рассказывал, что «в мае 1926 года во время забастовки английских горняков в помощь им СССР была переведена крупная сумма денег в иностранной валюте и что это не профсоюзные, а государственные средства». Более того, по агентурной информации, один из зарубежных банкиров, с которым Коробков познакомился во время зарубежной командировки, предлагал ему перейти к нему на службу и отправлял в его адрес посылки⁷⁸. Однако экономическое управление ОГПУ, «раскрывая» международные связи «вредителей», и не подумало обращаться в профильную структуру своего ведомства, поэтому выявленный коллегами «компромат», которому те в своё время не придали значения, так и не был использован.

⁷³ Там же, т. 5, л. 378–379.

⁷⁴ Там же, т. 2, л. 379–380. О «деле» Коробкова подробнее см.: *Николаев М.Г.* Неизвестные судьбы госбанковцев 1920-х: директор иностранного отдела Госбанка СССР В.С. Коробков // *Деньги и кредит.* 2013. № 7, 8.

⁷⁵ Лоевский Давид Абрамович (1884–?), в 1920-х гг. заместитель начальника Валютного управления НКФ СССР.

⁷⁶ Тарновский Владимир Васильевич (1872–1954), финансист; в 1922 г. товарищ управляющего Северо-Западной конторой Госбанка РСФСР; принимал активное участие в разработке и проведении денежной реформы 1922–1924 гг.; 10 октября 1929 г. «вычищен по первой категории» комиссией по чистке аппарата Наркомфина СССР. Подробнее см.: *Ефимкин А.П.* Идею рождает время... (к 140-летию со дня рождения В.В. Тарновского) // *Деньги и кредит.* 2012. № 9.

⁷⁷ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 122–122 об., 74–75 об. Из всех протоколов допросов Коробкова только два – от 29 января и 2 февраля 1931 г. – существуют не только в рукописном, но и в машинописном варианте (для просмотра начальством). Показания Коробкова в известной мере «компрометируют» Л.Н. Юровского и А.И. Лежнёва, обнаруживая их скепсис в отношении происходивших в стране событий, но отнюдь не дают оснований для обвинения их в преступной деятельности.

⁷⁸ Там же, т. 5, л. 367.

Материалы дела содержат интересный документ с описанием деятельности Коробкова за границей, участия его в переговорах с представителями американских банков⁷⁹. Эта работа проводилась под жёстким контролем высшего партийного и государственного руководства, и подробно отражающие её материалы сохранились в соответствующих архивных фондах. Многие документы, в том числе за подписью Коробкова, а также с многочисленными упоминаниями его имени, опубликованы⁸⁰.

Записка Коробкова, по понятным причинам уступая в точности отчётным и другим делопроизводственным документам, содержит некоторые любопытные детали, например, связанные с «золотой операцией» 1928 г.⁸¹ Золото, вывезенное в США для оплаты советских закупок, в связи с угрозой ареста по иску Банка Франции пришлось срочно эвакуировать обратно. Для его вывоза был зафрахтован пароход «Дрезден», первый из тех, что отплывал в Европу (Германию), и только в период его нахождения в пути выяснилось, что он должен был зайти во французский порт Шербург⁸². Как бы то ни было, золото успели перегрузить. Причём американские банки согласились радировать свои распоряжения капитану парохода о неимении с их стороны никаких препятствий. Такую позицию они заняли несмотря на то, что являлись корреспондентами «Банк де Франс» и хранили у себя его депозиты. В результате перегруженное золото было депонировано в Рейхсбанк. Из записки Коробкова, помимо всего остального, следует, что он в целях предосторожности просил Москву о присылке золота с «несоветским клеймом». Таковое и было отправлено в Германию, но, в силу несвоевременно полученных нашим представителем директив, продано в Берлине. В США же отправили золото с советским клеймом⁸³. Вся эта история с отправкой золота якобы без санкции Политбюро, а только с разрешения одного из замов Предсовнаркома, была позже использована Сталиным в выступлении на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 22 апреля 1929 г. для контробвинения А.И. Рыкова в нарушении коллегиальности в работе высшего руководства⁸⁴.

У Бельгарда сначала взяли показания относительно нескольких иностранных граждан, включая сотрудников посольства Великобритании в Москве, затем расспрашивали о Ю.В. Ломоносове (возглавлял Российскую железнодорожную миссию по закупкам паровозов и остался на Западе), позже выясняли его связи с эмигрантами. В отличие от Коробкова, дворянин и бывший сотрудник кредитной канцелярии Министерства финансов Бельгард имел большее количество знакомств среди тех, кто эмигрировал из страны. Материал для об-

⁷⁹ Протокол допроса от 2 ноября 1930 г. на 30 листах, написанных Коробковым собственноручно (Там же, т. 3, л. 90–118 об.).

⁸⁰ См.: Москва–Вашингтон: политика и дипломатия Кремля, 1921 – 1941: Сборник документов. В 3 т. М., 2009.

⁸¹ Там же. Т. 1. С. 545–560; *Жирнов Е.* «Претензии Французского банка на русское золото были отклонены» // Коммерсант. 2002. № 210 (2579). 20 ноября. Любопытные комментарии к этой истории см.: *Шитц И.И.* Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931). Париж, 1991. С. 5–6.

⁸² В письме на имя В.Р. Менжинского жена С.К. Бельгарда уверяет, что именно её муж, первый узнав об этом, сигнализировал телеграммой из Лондона о необходимости предпринять срочные меры для исправления ситуации (ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 47–47 об.).

⁸³ Там же, л. 98 об.–102.

⁸⁴ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 4 М., 2000. С. 500. Авторы комментариев остались в неведении, что речь в выступлении Сталина шла о «золотой операции» 1928 г. (Там же. С. 723).

винения отыскивали с помощью самого арестованного: он должен был назвать все известные ему «заграничные операции, принесшие и приносящие вред государству СССР».

Наиболее настойчивые попытки доказать свою невиновность предпринял член правления Госбанка Блюм. В деле сохранилось несколько записок, которые свидетельствуют, что подследственный вступил в «юридический спор» со следователями, защищая себя при помощи логических доводов. Как и другие арестованные, Блюм вынужден был добиваться от следователей информации о том, в чём его обвиняют, требовать проведения юридически грамотного анализа компрометирующих его показаний арестованных коллег. В деле сохранилось обращение Блюма к главе ОГПУ⁸⁵, с которым он был лично знаком. Однако единственным результатом подобной апелляции очевидно стало лишь снисходительное предоставление арестованному возможности писать свои возражения против методов ведения следствия.

Как и в случае с Лежнёвым, у Блюма пытались получить компромат на Шера и Берлацкого, которых готовили к процессу «Союзного бюро». Отношения с ними посвящена специальная записка от 2–3 января 1931 г.⁸⁶ В ней Блюм дал любопытные личностные характеристики коллег, высказал некоторые соображения, допускающие их виновность как «оговорщиков», но использовать этот текст в качестве свидетельства обвинения было невозможно. В частности, в отношении Шера и Берлацкого следовали такие выводы: «Общее моё впечатление от встреч с Ш.: человек не особенно жалующий совет[скую] власть, но примирившийся с ней (“ничего не поделаешь”); по-чиновничьи, но добросовестно, когда захочет, исполняющий свои обязанности Члена Правления»; «Политические убеждения Б. мне неизвестны, но он всегда был или старался быть со мной 100% советским человеком и очень дорожил своими коммунистическими знакомствами и связями»⁸⁷.

Не участвовал в сочинении криминального «сценария» и другой член правления Госбанка – Каценеленбаум, один из самых авторитетных специалистов в области кредита и финансов. На первом этапе следствия его заставили давать пояснения по вопросам эмиссионной политики, отношения к частному капиталу и проч. По отработанной схеме выявляли связи с разными «скомпрометированными» персонами, например, П. Шеффером, московским корреспондентом «Berliner Tageblatt»⁸⁸, датским дипломатом А.А. Кофодом⁸⁹, предпринимате-

⁸⁵ Там же, л. 174.

⁸⁶ Там же, л. 175–177 об.

⁸⁷ Там же, л. 177, 179–179 об.

⁸⁸ Шеффер Пауль (Scheffer Paul) (1883–1963), немецкий журналист, московский корреспондент «Berliner Tageblatt» в 1922–1929 гг. По сообщению В. Сержа, в 1927 г. опубликовал известный оппозиционный документ «Завещание А.А. Иоффе». Его освещение «Шахтинского процесса», к которому в числе обвиняемых были привлечены и немецкие инженеры, вызвало крайне негативную реакцию советских властей, в частности руководства НКВД, видевшего в нём главного организатора антисоветской кампании в германской прессе. Хотя на ноябрьском (1929) пленуме ЦК ВКП(б) упоминался В.М. Молотовым как пример врага, признающего в своих публикациях успехи советской власти, 14 ноября 1929 г. член Коллегии НКВД Ф.А. Ротштейн на встрече с журналистом, уезжающим в Германию, объявил ему об отказе в выдаче обратной визы. В дальнейшем работал корреспондентом газеты в Лондоне; с апреля 1934 г. по 31 декабря 1936 г. главный редактор; с 1937 г. американский корреспондент газеты «Das Reich». После войны остался жить в США.

⁸⁹ Кофод (Koefoed) Андрей Андреевич (Карл Андреас) (1855–1948), агроном, землеустроитель, государственный чиновник, мемуарист. Родился в семье датского фармацевта. Окончил

лем, членом правления Московского общества взаимного кредита и Биржевого комитета Московской товарной биржи А.И. Синелобовым и др.⁹⁰

Для обвинений Каценеленбаума использовали показания Я.М. Купермана⁹¹ и П.В. Микеладзе⁹², которые были осуждены по «параллельному делу», «вредителей из Наркомфина». Как главе эмиссионного отдела Госбанка Каценеленбауму предназначалась роль проводника «вредительских» установок при осуществлении эмиссионной политики, несмотря на то что её параметры прописывало и утверждало партийно-государственное руководство.

С группой остальных фигурантов «госбанковского дела» поступили предельно просто, не обременяя их долгими допросами. В деле каждого из них в лучшем случае присутствуют краткое или развёрнутое изложение автобиографии и обязательный протокол допроса с установочными данными. Во втором (часто и последнем) протоколе имелось, как правило, отрицание арестованным предъявленного ему обвинения. Подобный «минимализм» характерен для оформления процедуры следствия в отношении А.З. Мжедлова-Серебрякова⁹³, Льва, Горнштейна, Лепёшкина, Виноградова, которых приобщили к госбанковскому делу 21 апреля 1931 г. Так, у Льва вообще отсутствуют протоколы допросов, кроме установочного. У Лепёшкина второй (и последний) протокол с отрицанием обвинения оформлен после утверждения обвинительного заключения и за один день до вынесения приговора – 24 апреля 1931 г. Так же «тонки» и мало-содержательны материалы дела в отношении арестованных М.Я. Кассациера⁹⁴,

Королевскую ветеринарную и сельскохозяйственную академию в Копенгагене (1875). С 1878 г. в России, в 1892 г. принял русское подданство. Один из активных деятелей столыпинской аграрной реформы, автор многочисленных трудов по аграрным вопросам и землеустройству, статский советник (1915). С сентября 1917 г. – в московском отделении посольства Дании. В 1920 г. восстановил датское гражданство. С 1921 г. атташе посольства Дании в странах Прибалтики. С 1924 по 1930 г. атташе посольства Дании в СССР. По требованию советских властей в 1931 г. был отозван. В 1945 г. опубликовал мемуары на датском языке (переизданы на русском в 1997 г.). Шпионаж через посредство Кофода приписали А.В. Чаянову и Н.Д. Кондратьеву (См.: *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. С. 102, 130).

⁹⁰ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 239 об.–241.

⁹¹ Куперман Яков Миронович (1899–1956), сотрудник Валютного управления НКФ СССР; арестован 28 августа 1930 г.; летом 1931 г. приговорён к десяти годам ИТК за принадлежность к «Трудовой крестьянской партии».

⁹² Микеладзе Павел Вячеславович (?–1963), советский экономист, специалист по налоговой политике, член президиума Института экономических исследований НКФ СССР, учёный секретарь Финансовой секции института; с июня 1925 г. учёный секретарь Института экономических исследований, позднее работал в Плановом экономическом управлении НКФ СССР; в 1929 г. был уволен комиссией по «чистке» аппарата НКФ СССР, арестован.

⁹³ Мжедлов-Серебряков Алексей Захарович (1880–?), в 1924–1927 гг. – в Госплане СССР, с 1927 г. сотрудник Госбанка СССР, консультант районной группы; арестован 2 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; осужден на 5 лет ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Вишлаг ОГПУ; 14 марта 1932 г. лагерь заменен высылкой на оставшийся срок лишения свободы; реабилитирован 22 июня 1963 г.

⁹⁴ Кассациер Михаил Яковлевич (1885–1957), с октября 1924 г. заведующий статистическим отделом Госбанка; с 1929 г. заместитель заведующего подотделом статистики; с июня 1929 г. – в ЦУСТРАХе, статистик, старший статистик; в апреле 1930 г. комиссией по чистке «вычищен» по первой категории с заменой на вторую категорию сроком на 1 год; с декабря 1930 г. – в артели «Вышивка»; с 1 февраля до момента ареста 27 февраля 1931 г. статистик в Институте Невро-психиатрической профилактики; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; 15 мая 1931 г. приговор в части конфискации имущества и ссылки семьи отменён; освобождён досрочно 10 апреля 1933 г.; судимость снята 15 ноября 1936 г.; реабилитирован 3 октября 1957 г.

С.Ф. Мещерякова⁹⁵ и Е.С. Лурье⁹⁶. Среди этой группы лиц были и те, кто не принадлежал к категории «буржуазных специалистов», чьё мировоззрение сформировалось в значительной мере в условиях советского режима (С.Л. Фридман⁹⁷ и И.Ф. Гиндин).

Гиндин, самый молодой из арестованных, в своих показаниях подчеркнул, что о существовании «вредительской организации» он впервые узнал от следователя. В попытке доказать свою непричастность к «вредительству» Гиндин настаивал: «Я принадлежу к той категории молодых специалистов, которые не только не находились под влиянием буржуазных идеологов и специалистов (типа Юровского, Громана, Кондратьева и т.п.), но которые стремились проводить марксистско-ленинские методы в своей научной и практической работе»⁹⁸.

Гиндин свидетельствовал, что после прихода в Госбанк в конце 1928 г., он, занимаясь разработкой «принципиальных вопросов кредитной политики, продолжал прежнюю линию, т.е. принимал участие в борьбе с правооппортунистическими антиплановыми тенденциями в области кредита (кот[орые] господствовали ранее в работе Госбанка), в борьбе с капиталист[ическими] методами кредита, являвшимися помехой выполнению нар[одно]-хоз[яйственных] планов». В заслугу себе Гиндин ставил участие в обследовании заочных курсов НКФ и обнаружение «засилья буржуазной профессуры», а также преподавательскую работу среди выдвиженцев, участие в составлении новых учебников по кредитному делу, разработку научных исследований, получивших положительную оценку главы советской исторической науки М.Н. Покровского. Записка Гиндина от 18 января 1931 г., адресованная следователю, заканчивалась следующими словами: «Я твёрдо верю, что ОГПУ снимет с меня позорное клеймо, наложенное на меня самим фактом моего ареста по вредительскому делу, и даст мне возможность вернуться к участию в социалистическом строительстве, без чего жизнь не может иметь для меня никакого смысла»⁹⁹.

Выставляя себя борцом против «буржуазных концепций» в области теории денег и кредита, своим оппонентом, помимо Юровского, Гиндин называет и Каценеленбаума «с его защитой частного накопления»¹⁰⁰. Очевидно, борьба велась им и против других оппонентов из числа авторитетных банковских специалистов. Так, Блюм указал на Гиндина как на сотрудника, который во время

⁹⁵ Мещеряков Сергей Фёдорович (1898–1957), с 1924 г. сотрудник Госбанка СССР, до 1930 г. статистик Финансово-экономического бюро, с апреля 1930 г. экономист, консультант кредитной группы «В» Кредитно-планового управления; после реорганизации – в секторе промышленности (ответственный исполнитель по резиновой, каучуковой и бумажной промышленности); арестован 24 февраля 1931 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания направлен в Вишлаг ОГПУ; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁹⁶ Лурье Евгений Соломонович (1887–?), в 1929–1930 гг. заместитель директора Планово-экономического отдела Госбанка СССР; арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁹⁷ Фридман Саадий Лазаревич (1897–1971), с июля 1929 г. сотрудник Госбанка СССР, консультант; арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; постановлением Коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 г. приговор в части высылки семьи отменён; решением Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 г. заключение в лагере заменено ссылкой на оставшийся срок; 28 сентября 1933 г. досрочно освобождён; реабилитирован 3 октября 1957 г.

⁹⁸ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 333–336.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

чистки госбанковского аппарата «особенно изощрял своё перо его травлей»¹⁰¹. Но фальсификаторов нисколько не смутило то обстоятельство, что в составе организации, куда должны были входить политические единомышленники, оказались лица, которые не только являлись идеологическими противниками, но и находились между собой в неприязненных отношениях. Из показаний того же Блюма, например, можно узнать и о конфликтных отношениях Берлацкого с Инжиром¹⁰².

С другой стороны, со слов самого Инжира известно, что он после вступления в должность главного бухгалтера сигнализировал в ОГПУ об обнаруженных им в Госбанке «безобразиях» и даже написал несколько записок, в которых «охарактеризовал ряд лиц, занимающих крупные должности и вызывающих своей работой определенное подозрение»¹⁰³. Среди них, как утверждал арестованный, были и члены правления Госбанка. Всё это должно предостеречь исследователей изучаемой темы от того, чтобы рассматривать фигурантов «вредительского дела» исключительно в роли жертв без всякой дифференциации, связанной с анализом их деятельности до ареста и в период следствия.

* * *

О способах, которыми вынуждали арестованных давать нужные следствию показания, сегодня известно достаточно много. Большинство из тех, кто не чувствовал за собой вины, не могли себе представить, что столкнутся с профессиональными фальсификаторами. Лепёшкин в анкете «для арестованных и задержанных с зачислением за ОГПУ» в строке «Примечания заключённого» записал: «Прошу очень меня скорее допросить. Уверен, что арестован по недоразумению. 2.12.1930»¹⁰⁴. М.Я. Кассациер с меньшей наивностью пытался уверить следствие в своей невинности, рассчитывая на эффект, вызванный своим смелым заявлением: «В случае если моя принадлежность к организации будет проверена фактами и доказана, прошу Коллегию ОГПУ меня расстрелять»¹⁰⁵.

Парадоксальность положения, в котором оказались арестованные, охарактеризовал Кондратьев, проходивший по «параллельно» ведущемуся делу: «Трудно, почти невозможно доказать свою невинность, если не выдвинуто никаких конкретных обвинений... Авторитетным представителем следствия мне было дано понять, что вопрос о моей преступности для следствия уже предрешён, что уже при самом начале следствия я рассматриваюсь как пойманный преступник и притом как преступник, подлежащий расстрелу, что следствие уже сделало заключение по моему делу и в качестве единственного шанса оно предлагает мне попытаться спасти себя чистосердечным разоружением, т.е. рассказом о своих преступлениях, которых оно не называет»¹⁰⁶.

Схожим образом описывает ситуацию и Юровский¹⁰⁷. Расстрел в сентябре 1930 г. 48 человек по делу «вредителей рабочего снабжения» без суда, приго-

¹⁰¹ Там же, л. 185 об.

¹⁰² Там же, л. 177 об.

¹⁰³ Там же, л. 145–145 об.

¹⁰⁴ Там же, т. 2, л. 23.

¹⁰⁵ Там же, л. 33.

¹⁰⁶ Кондратьев Н.Д. Суздальские письма. С. 103.

¹⁰⁷ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 577. В.В. Чернавину следователь также угрожал: «Вы будете 49-м» (Чернавин В.В. Записки «вредителя» // Владимир и Татьяна Чернавины. Записки «вреди-

вором Коллегии ОГПУ, вынесенным по прямому указанию Сталина¹⁰⁸, придал ещё большую уверенность палачам и стал весомым аргументом в принуждении арестованных к сотрудничеству со следствием. Те, кого рассчитывали вывести на открытый судебный процесс, оказались в наихудшем положении. Об этом свидетельствовали Якубович, Б.И. Желтенкова, М.А. Броунштейн-Валерианов, Юровский и Кондратьев.

Поскольку никакими реальными обвинительными материалами следователи не располагали, подследственные вынуждены были сами искать причины, по которым их могли заподозрить во вредительстве и, выдвигая собственные гипотезы, отмечать порой даже «ошибочные» основания для обвинения. Абсурдность ситуации, обрисованной Кондратьевым, дополняет свидетельство Блюма (записка следователям от 4–8 января 1931 г.): «Со мной не хотят разговаривать, пока я не “сознаюсь”. После “сознания” мне обещается помощь и защита и сообщение конкретных данных обвинения. При этих условиях я лишён возможности представить все необходимые объяснения. И мне приходится убеждать в своей невинности общими соображениями и логическими доводами». Из другой его записки от 9 марта того же года можно узнать, что следователи ему не только отказали в очных ставках с Шером и Берлацким, но и не разрешили прочитать их показания. Поэтому при обосновании доказательств своей невинности арестованный вынужден был, как он указал, исходить из того, о чём обмолвились на допросах следователи¹⁰⁹.

Пассажи, встречающиеся в показаниях «госбанковцев», указывают на то, что некоторые из них, вынужденные уступить следователям, получили возможность «дезавуировать» свои «признания», вписать в протоколы допросов ссылки на некие «смягчающие вину обстоятельства». Очевидно, это и есть следы той «защиты» и «помощи» «сознавшимся» со стороны следователей, о которых упоминал Блюм. Так, в протоколе допроса Сканава от 18 января 1931 г. читаем: «Хотя конкретно никто мне не говорил о существовании к[онтр]р[еволюционной] вредительской организации и меня в неё не вовлекал, но моя практическая работа фактически не расходилась с антисоветскими установками, развиваемыми Ростовцевым и другими работниками банка, – тем самым, поскольку я не вёл борьбы против них, я и осуществлял дезорганизаторскую работу, шедшую вразрез с интересами государственной промышленности и

теля»: Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 111). Думается, что отечественная историческая литература недооценивает общественный резонанс, вызванный этим массовым расстрелом. И.И. Шитц в своём дневнике (запись от 25 сентября 1930 г.) описывает реакцию москвичей в день выхода газет с сообщением о расстреле 48 «вредителей»: «Впечатление – ужас. Люди ходят по улицам молча, в трамваях – молчание» (*Шитц И.И.* Указ. соч. С. 225). Об угрозе расстрела как распространённом средстве шантажа сохранилось свидетельство и в деле П.И. Пальчинского. В записке от 15 февраля 1929 г., адресованной следователю, он, в частности, употребляет такой оборот: «В случае ухода моего из жизни, что обещано Вами...» (*Делицой А.И.* П.А. Пальчинский в последние месяцы жизни. 1928–1929 гг. // Вопросы истории. 2010. № 7. С. 143). Судьбой расстрелянного в 1929 г. Пальчинского позже запугивали Кондратьева (*Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. С. 102).

¹⁰⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 216–218.

¹⁰⁹ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 139–139 об., 180, 219–219 об. Одна очная ставка всё же состоялась, но с Лежнёвым и лишь 24 апреля 1931 г., т.е. спустя неделю после утверждения обвинительного заключения и за сутки до вынесения приговора. В этот же день была проведена очная ставка между Лежнёвым и Каценеленбаумом. Никаких последствий эти следственные процедуры, конечно же, не имели (Там же, л. 269–270 об.).

вопреки директив соввласти»¹¹⁰. Понятно, что и этот фактический отказ от ранее данных признательных показаний, и констатация отсутствия умысла в совершении «вредительства», как и ранее приведённые «спасительные» фразы из протоколов допросов его коллег, были проигнорированы лицами, принимавшими судебное решение.

Показательны предметы, изъятые у арестованных при обыске и ставшие «уликами»: у Лежнёва – коробка шарикоподшипников (очевидно, годящихся для использования в качестве начинки самодельных взрывных устройств!)¹¹¹, у Виноградова – книга «Директория–Колчак–интервенты»¹¹², у Александрова – «брошюра Пуришкевича»¹¹³, у Бельгарда, долгое время работавшего за рубежом, – валюта (девять германских марок и семь шиллингов, несколько иностранных медных монет!)¹¹⁴.

Пока арестованные находились в тюрьме, их родные и близкие пытались оказать им помощь. В деле сохранилось несколько писем – обращений на имя председателя ОГПУ В.Р. Менжинского (Бельгарда, Коробкова и Блюма он знал лично). Наиболее решительно на защиту своего мужа встала жена Сканави, Елена Евгеньевна, сестра будущего академика А.Е. Порай-Кошица¹¹⁵. Признавая право ОГПУ «пересмотреть всех старых специалистов», она тем не менее твёрдо заявила, что «должна решительно протестовать, когда задерживается в тюрьме ни в чём не повинный человек... отдающий все свои силы на работу для укрепления Советской власти». «Я утверждаю, – говорит в своём обращении Е.Е. Сканави, – что нет ни одного факта в жизни и деятельности моего мужа, который можно было истолковать как не идущий на пользу Строительства Социализма»¹¹⁶. Однако ни одно из подобных обращений не могло помочь арестованным, судьба которых была предрешена.

Обвинительное заключение по «госбанковскому делу» утвердил заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода 17 апреля 1931 г. В нём, в частности, констатировалось: «Раскрытая ОГПУ к[онтр]-р[еволюционная] вредительская организация в Государственном Банке является одной из основных частей Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков. Возникновение этой организации в Госбанке относится к концу 1925 года... Основной целью являлось свержение советской власти и установление буржуазно-демократического строя»¹¹⁷. Для достижения этой цели к[онтр]-р[еволюционная] организация в Госбанке проводила вредительскую деятельность в денежно-кредитной системе для подрыва финансовой мощи СССР»¹¹⁸.

¹¹⁰ Там же, т. 1, л. 342.

¹¹¹ Там же, л. 2.

¹¹² Там же, л. 277. Имеется в виду, очевидно, книга: *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (из цикла «Шесть лет» 1917–1922 гг.). Новониколаевск, 1925.

¹¹³ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 3, л. 317.

¹¹⁴ Там же, л. 5.

¹¹⁵ Порай-Кошиц Александр Евгеньевич (1877–1949), химик-органик, с 1931 г. член-корреспондент, с 1935 г. академик Академии наук СССР, лауреат Государственной премии (1943).

¹¹⁶ Там же, т. 1, л. 355–355 об. Интересно свидетельство дочери Н.А. Сканави, которая пишет о том, что отец по собственной инициативе ходил на похороны В.И. Ленина, а в спорах с критически настроенным к власти А.Е. Порай-Кошицем защищал советский строй.

¹¹⁷ В показаниях Лежнёва от 31 декабря 1930 г., однако, можно встретить утверждение о том, что основной задачей организации являлось свержение советской власти и замена её демократическим режимом с привлечением к государственному управлению всех социалистических партий (Там же, л. 36–36 об.). Никого из следователей не смутило, что «вредители», якобы, рассчитывали при помощи интервентов привести к власти «социалистов».

¹¹⁸ Там же, т. 2, л. 311–313.

В марте 1931 г., после окончания судебного процесса по делу «Союзного бюро» были окончательно оформлены и канцелярско-бюрократические процедуры «госбанковского дела». Согласно «генеральному размежеванию» от 25 марта, группу арестованных из 42 человек «во главе с Лежнёвым и Юровским» (дело № 101922) поделили на две части. Одну из них составили члены вредительской организации» в Наркомфине СССР, руководимой «Трудовой крестьянской партией» (18 человек, дело № 102976¹¹⁹), другую – члены «вредительской организации» в Госбанке, находящемся в подчинении «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)» (21 человек, дело № 108706)¹²⁰. Чуть позже госбанковскую «вредительскую» ячейку «укрепили», доведя её численный состав до 26 человек¹²¹ Решением Коллегии ОГПУ от 25 апреля 1931 г. один человек был приговорён к расстрелу, двоим расстрел заменили 10-летним сроком заключения в ИТЛ (по тюремно-лагерной лексике, «десять лет с испугом»¹²²), этот же срок получили ещё четверо, остальные 18 человек были приговорены к пяти годам ИТЛ. В отношении члена правления Цекомбанка С.К. Гейзель-Бокала¹²³ дело было отложено, а затем прекращено¹²⁴. Таким образом осудили 25 человек (из всех 26 привлечённых по делу виновными себя не признали 16, частично свою вину признали трое, полностью – семеро). Репрессии затронули не только самих арестованных, но и их близких. В большинстве случаев в вынесенных заключённым приговорах имелись пункты о конфискации имущества и высылке семьи. Эти репрессивные меры «второго плана» обычно недооцениваются, хотя они сулили семьям осуждённых весьма нелёгкие испытания, особенно, если учесть, что многие имевшие несовершеннолетних детей жёны заключённых находились на иждивении своих мужей.

Сталинская юстиция меньше всего заботилась о тщательной проработке своих правовых норм, поэтому при выполнении постановления Коллегии ОГПУ возникли коллизии, связанные с различными аспектами семейно-брачных и имущественных отношений. Понятно, что в этих обстоятельствах пострадавшие использовали всё возможное для того, чтобы избежать несправедливых репрессий. Так, в семье Г.В. Рочко¹²⁵ вместе с 6-летней дочерью воспитывался

¹¹⁹ Дело № 102976, очевидно, являлось «базовым». По нему числились как арестованные из числа будущих фигурантов «меньшевистского процесса» (например, И.И. Рубин, М.И. Тейтельбаум, А.Л. Соколовский и др.), так и осуждённые в ином порядке – С.О. Ежов-Цедербаум, П.Н. Малянтович, П.П. Маслов и др. (Меньшевистский процесс. Кн. 1. С. 40, 288, 386, 399, 554; Кн. 2. С. 15, 164, 414, 417, 451, 437).

¹²⁰ ЦА ФСБ РФ, д. Р-27952, т. 2, л. 194.

¹²¹ Там же, л. 195, 404. В «ячейку» не были включены сотрудники Госбанка СССР В.Н. Троицкий и А.Ф. Тимофеев.

¹²² Любопытное описание сцены объявления подобного приговора см.: *Чернавин В.В.* Указ. соч.; *Побег из ГУЛАГа.* СПб., 1999. С. 157–158.

¹²³ Гейзель-Бокал Семён Константинович (Залман Копелев) (1887–?), с 1925 г. сотрудник Цекомбанка; последняя должность – член правления Цекомбанка, руководитель Кредитно-планового отдела. Арестован 30 ноября 1930 г.; виновным себя признал частично; 10 мая 1931 г. освобождён; позже работал в Госбанке СССР.

¹²⁴ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 1, л. 356–357.

¹²⁵ Рочко Григорий (Гирш) Викторович (1886–1958?), с конца 1923 г. сотрудник Госбанка СССР, заведующий подотделом финансирования хлебных операций, заведующий отделом, директор Финхлеба, директор кредитной группы «Е» (сельское хозяйство) Кредитно-планового управления, заместитель директора; последнее место работы – Наркомзем, консультант финансового сектора; арестован 16 декабря 1930 г.; виновным себя признал; по приговору Коллегии ОГПУ 25 апреля 1931 г. был осуждён по статье 58-7-11 на десять лет; для отбытия наказания отправлен в Казлаг ОГПУ; реабилитирован 3 октября 1957 г.

и 13-летний Марк Соболев – сын его жены Р.С. Бахмутской от первого брака с писателем Андреем Соболевым. В своём заявлении в правление Всероссийского союза советских писателей жена Рочко просила оказать содействие в предотвращении высылки членов его семьи и конфискации имущества. Основанием для этого были собственный самостоятельный заработок, а также литературные доходы от произведений А. Соболева, поступающие его сыну. По её утверждению, общее имущество в большей части принадлежало ей с сыном. К делам Рочко, уверяла заявительница, она не имела никакого отношения (в 1929–1930 гг. отсутствовала в Москве, работала в деревне)¹²⁶.

В целом с 15 мая по 28 июня 1931 г. Коллегия ОГПУ пересмотрела свои приговоры в отношении конфискации имущества и высылки семей многих осуждённых. Однако, судя по всему, это не помешало сотрудникам ОГПУ, вселившимся в комнаты некоторых арестованных, сохранить за собой полученную жилплощадь (здесь обнаруживается прямая заинтересованность ведомства в успехе своей работы!). За исключением расстрелянного 29 апреля 1931 г. Бельгарда и освобождённого по решению Коллегии ОГПУ от 10 мая того же года Гейзель-Бокала¹²⁷, все остальные фигуранты дела в конце мая – начале июня были отправлены в разные ИТЛ ГУЛАГовской системы от Казахстана до Соловков¹²⁸.

Попытки добиться пересмотра приговоров тем не менее продолжались. Складывается впечатление, что ОГПУ, ничем не рискуя, достаточно благосклонно реагировало на подобные просьбы. Задание, спущенное «сверху», было исполнено, нужные цифры в отчётах проставлены, благодарности и премии получены, а дальнейшая судьба осуждённых никого по большому счёту уже не интересовала, поэтому безо всякого ущерба для ведомственных интересов можно было проявить снисходительность. Кроме того, известно, что массовая фальсификация дел и связанные с этим проблемы использовались во внутреннем конфликте в руководстве ОГПУ, закончившемся кадровыми перестановками. При этом права ведомства в области применения репрессий были несколько ограничены¹²⁹.

Уже 15 июня 1931 г. Блюму заменили 5-летний срок заключения высылкой на Урал (причём жена легко получила согласие ОГПУ на его выезд к месту ссылки за свой счёт, а не этапом). 12 ноября того же года Каценеленбауму на один год сократили лагерный срок, а 2 сентября 1932 г. и вовсе заменили его ссылкой в Западную Сибирь¹³⁰ (это решение застало его на этапе из Вишерских лагерей на Колыму). 14 марта 1932 г. был условно-досрочно освобождён Лев с правом свободного проживания на всей территории СССР¹³¹. С ходатайством о пересмотре его дела выступил В.Л. Дуров, 2 июня 1931 г. обратившийся с письмом на имя «Прокурора Верховного суда», в котором он характеризовал своего помощника как «безукоризненно честного человека, всецело поглощённого своей научной и служебной работой и не только совершенно лояльного, но по общему укладу своей психики чрезвычайно близко стоящего к строительству новой жизни»¹³². Хотя смягчение меры наказания коснулось не всех осуждённых по «госбанковскому делу», большинству из них и в статусе заключённых

¹²⁶ ЦА ФСБ России, т. 5, л. 37–38.

¹²⁷ Там же, т. 2, л. 421.

¹²⁸ Там же, л. 417–419, 423, 432, 436, 443.

¹²⁹ Подробнее см.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. Гл. II; Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД... С. 275–281.

¹³⁰ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 5, л. 158, 199, 262.

¹³¹ Там же, л. 318, 312, 315.

¹³² Там же, л. 203–203 об.

удалось занять различные, иногда высокие должности в финансово-экономических службах на гулаговских стройках (Коробков, Инжир, Кутлер и др.).

Судьбы же их сложились по-разному. Блюм, чей приговор пересмотрели раньше других, попал под колесо Большого террора и был вторично осуждён 9 августа 1938 г.¹³³ Такая же участь постигла и вторично арестованного Лежнёва, смертный приговор которому вынесли 20 сентября того же года. 3 октября 1941 г. Горнштейн был вторично осуждён Особым совещанием при НКВД и приговорён к пяти годам ИТЛ. О судьбе Инжира упоминает в своих мемуарах И. Бергер, деятель международного коммунистического движения, один из основателей коммунистической партии Палестины, арестованный в январе 1935 г. В частности, он предположил, что Инжир помог чекистам в подготовке «меньшевистского процесса» 1931 г. (позже Солженицын превратил предположение в утверждение, добавив, что тот «подписывал фальшивые обвинения на своих лучших друзьях»)¹³⁴.

Встречаются мемуарные свидетельства и о лагерной судьбе Коробкова. Его в числе прочих своих учителей с благодарностью вспоминает Л.А. Финк, в лагере освоивший профессию финансиста. «Когда я его встретил, – пишет Финк, – он уже много лет работал вольнонаёмным сотрудником ГУЛАГа. К своей профессии он относился самозабвенно. Сухой, всегда сдержанный, очень замкнутый, он мог часами взволнованно рассуждать о балансе, ссудах, себестоимости. За цифрой всегда видел человеческие интересы и судьбы. Но только чужие интересы и чужие судьбы. Он никогда не проявлял заботы о личных делах своих подчинённых, их благополучии. Строго одетый, застёгнутый на все пуговицы, он не разрешал себе никаких контактов, выходивших за пределы службы... Видимо, он прошёл такую суровую школу, что научился существовать, словно в футляре, и только в тревогах о казённом рубле появлялась страстность, душевная энергия»¹³⁵.

Реабилитация проходивших по «госбанковскому делу» началась только после смерти Сталина в 1953 г. и проводилась постепенно¹³⁶. Как известно, в делах, связанных с реабилитацией необоснованно осуждённых имеется и финансово-имущественная сторона. Но эти иногда встречающиеся в делах документы с цифрами, выраженными в рублях и копейках, способны только лишний раз дать повод задуматься о подлинной цене выстраданного и пережитого теми, кто был незаконно осуждён, а также их родственниками и близкими. С этой точки зрения, последний документ, подшитый в «госбанковское дело» выглядит весьма символично: «Отдел госдоходов Мосгорфинуправления сообщает, что гр[ажданин]ке Витенберг Зинаиде Моисеевне произведена выплата стоимости реализованного имущества у гр[ажданина] Витенберг Моисея Владимировича 24 июля 1959 г. в сумме 1 121 руб. 80 коп.»¹³⁷ (для сравнения:

¹³³ Там же, т. 1, л. 395–402. Дата судебного заседания, указанная в деле (20 сентября 1938 г.), расходится с указанной в «Книге памяти Свердловской области».

¹³⁴ См.: *Солженицын А.И.* Двести лет вместе (1795–1995): В 2 т. Т. 2. М., 2002. Гл. 20. О лагерной карьере Инжира в изложении И. Бергера см.: *Бергер И.* Крушение поколения: Воспоминания / Пер. с англ. Я. Бергера. Firenze, 1973. С. 149–168. Документально известно, что Инжир занимал должность главного бухгалтера центральной бухгалтерии Финансово-планового отдела ГУЛАГа (с 27 ноября 1936 г. числился по совместительству главным бухгалтером Мосволгоканалстроя).

¹³⁵ *Финк Л.А.* И одна – моя – судьба: Воспоминания, раздумья, полемика. Самара, 1993. С. 78–80. Финк Лев Адольфович (1916–1998), литературовед, литературный и театральный критик; арестован в 1938 г.; в 1946–1951 гг. работал в финансовом отделе Севжелдорлага.

¹³⁶ ЦА ФСБ России, д. Р-27952, т. 1, л. 372 об., 380–380 об, 386–388, 405–412.

¹³⁷ Там же, т. 5, л. 416. Витенберг Моисей Владимирович (1883–1954), с июня 1925 г. сотрудник Госбанка СССР; последняя должность – консультант кредитной группы «Е»; арестован 17 сентября 1930 г.; виновным себя не признал; приговорён к пяти годам ИТЛ; для отбытия наказания

Постановлением Совета министров СССР от 17 декабря 1959 г. № 1397 максимальный размер пенсии за выслугу лет для работников просвещения, здравоохранения и сельского хозяйства устанавливался в 1 200 руб. в месяц).

* * *

Итак, «дело сотрудников Госбанка», возникшее на волне многочисленных репрессивных мер, направленных против «буржуазных» специалистов, стало не только необходимым для ОГПУ «дополнением» к процессу «Союзного бюро ЦК РСДРП(м)», но и отразило изменения в советской кредитно-денежной и банковской политике, связанные с окончательной ликвидацией в стране социально-политической и экономической модели, построенной на базе нэпа. В результате арестов из Госбанка СССР были окончательно удалены последние члены его правления – некоммунисты: Шер, Берлацкий, Блюм, Каценеленбаум, серьёзно ослаблен кадровый потенциал ведомства в центре и на местах. Создалась такая обстановка, когда принятие ответственности за те или иные решения грозило повлечь за собой репрессии, а ошибки в работе иногда квалифицировались как политическое преступление.

направлен в Вишлаг ОГПУ; в 1931–1932 гг. заведующий плановым отделом сельскохозяйственного управления Вишлага; постановлением Коллегии ОГПУ от 29 декабря 1932 г. заключение в лагере заменено ссылкой в Алма-Ату; заведующий финансово-плановым отделом Алма-Атинского свеклосахарного треста; постановлением Коллегии ОГПУ от 25 сентября 1933 г. приговор был пересмотрен, получено разрешение возвратиться в Москву; работал неподалёку от здания Госбанка СССР – в Московском цирке на Цветном бульваре (занимался расчётами рациона питания дрессированных животных); реабилитирован 10 апреля 1958 г.

«Смотришь, и Мане, и Тане какой-то “Знак Почёта” попадает». Брежневская «индустрия» наградений и советское общество

Виктор Дёнингхаус, Андрей Савин

Принуждение и убеждение традиционно выступали двумя главными столпами, на которых зиждилась власть Коммунистической партии в СССР. В «советской» модели взаимоотношений власти и общества, окончательно сложившейся в 1930-е гг., массовые репрессии органично и эффективно дополнялись агитацией и пропагандой. Однако в послевоенный период истории Советского Союза эта модель стала испытывать определённые пертурбации, в результате которых роль репрессивной составляющей значительно уменьшилась.

Уже в последние годы жизни И.В. Сталина репрессии стали менее частыми и жестокими, утратив интенсивность, свойственную им в довоенный период¹.

© 2014 г. В. Дёнингхаус, А.И. Савин.

Статья подготовлена в рамках проекта Германского исторического института в Москве в кооперации с РГНИ по подготовке к публикации рабочих тетрадей / дневников Л.И. Брежнева.

¹ Подробнее см.: *Хлевнюк О.В., Горлицкий И.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.